

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.421-448>

УДК 303:159.942:343.988

О. Л. ЭТОПИО¹,

Э. Р. БЕРТЛОТ²

¹ Мэрилендский университет, округ Балтимор, США

² Невадский университет в Рино, штат Невада, США

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИЗМЕРЕНИЕ УРОВНЯ СТРАХА ПРЕСТУПНОСТИ: РАЗРАБОТКА НОВОЙ ОБОСНОВАННОЙ ШКАЛЫ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ, КАЧЕСТВЕННЫХ ИНТЕРВЬЮ И ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

Контактное лицо:

Обри Л. Этопио, доктор философии, преподаватель психологии, Мэрилендский университет, округ Балтимор
E-mail: aubrevetopio@gmail.com

Эмили Р. Бертлот, доктор философии, доцентом в области уголовного правосудия, Невадский университет в Рино

Аннотация

Цель: разработка новой обоснованной шкалы измерения уровня страха преступности на основе теории эмоций, качественных интервью и факторного анализа.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений с использованием основанных на нем общенаучных и частнонаучных методов познания.

Результаты: определение и измерение уровня страха преступности давно является предметом научных споров. Единого определения этому феномену не выработано, что ведет к невозможности его обоснованных измерений. Цель нашего исследования – разработать новую шкалу страха преступности на основе теории эмоций и строгой методологии. Разработка шкалы включала пять основных этапов: проведение углубленных интервью для получения описаний чувства страха перед преступностью, количественный анализ для формулирования вопросов анкеты, предварительное тестирование, факторный анализ, психометрическая валидация. Качественные интервью ($N = 29$) показали, что понятия «страх» (*fear*), «беспокойство» (*worry*) и «озабоченность» (*concern*) используются как взаимозаменяемые. В результате качественного анализа был накоплен первоначальный банк вопросов; факторный анализ позволил остановиться на однофакторной шкале из 10 вопросов. Количественный анализ ($N = 665$) выявил, что нормализованные факторные нагрузки находятся между 0,715 и 0,888, внутренняя согласованность составляет $\alpha = 0,945$, конвергентная и дивергентная валидность присутствуют. Новый инструмент измерения позволит достичь большей точности при изучении страха перед преступностью.

Научная новизна: в данной работе изучение страха преступности впервые опирается на теорию конструируемых эмоций. В соответствии с ней в исследовании использовался широкий спектр описаний страха преступности, предоставленных респондентами. Многие интервьюируемые не делали различий между понятиями «страх»,

© Этопио О. Л., Бертлот Э. Р., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<http://rusjel.ru>) 25.06.2022

© Etopio Au. L., Berthelot E. R., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Etopio, Au. L., Berthelot, E. R. (2022). Defining and Measuring Fear of Crime: A New Validated Scale Created from Emotion Theory, Qualitative Interviews, and Factor Analyses. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 23 (1), 46–67.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/34104-defining-and-measuring-fear-of-crime-a-new-validated-scale-created-from-emotion-theory-qualitative-interviews-and-factor-analyses>

«беспокойство», «озабоченность» и другими обозначениями эмоций, что иллюстрирует концепцию дробности эмоций. Использование слов «страх» и «озабоченность» как взаимозаменяемых свидетельствует о том, что и переживание этих эмоций неразлично в данном контексте. Согласно теории конструируемых эмоций, эмоции субъективны и зависят от актуального контекста, от прошлых переживаний человека, а также от его понимания и использования слов, обозначающих эмоции. По данным качественных интервью, страх преступности включает в себя множество чувств, таких как озабоченность, неприятный аффект, беспокойство, тревожность, паранойя, паника. На основе этих результатов будущие исследования могут углубить теоретические положения в области страха преступности. **Практическая значимость:** основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с уровнем страха преступности.

Ключевые слова: страх преступности, измерение страха преступности, шкала страха преступности, определение страха преступности, теория конструируемых эмоций, криминологическое исследование, предрасположенность к страху преступности, угроза виктимизации, виктимизация

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Этопио О. Л., Бертлот Э. Р. Определение и измерение уровня страха преступности: разработка новой обоснованной шкалы на основе теории эмоций, качественных интервью и факторного анализа // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16, № 2. С. 421–448. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.421-448>

The scientific article

A. L. ETOPIO¹,
E. R. BERTHELOT²

¹ University of Maryland, Baltimore County, USA

² University of Nevada, Reno, USA

DEFINING AND MEASURING FEAR OF CRIME: A NEW VALIDATED SCALE CREATED FROM EMOTION THEORY, QUALITATIVE INTERVIEWS, AND FACTOR ANALYSES

Contact:

Aubrey L. Etopio, is a lecturer of psychology at the University of Maryland, Baltimore County

E-mail: aubrevetopio@gmail.com

Emily R. Berthelot, is an associate professor of criminal justice at the University of Nevada, Reno

Abstract

Objective: to develop a new justified scale of fear of crime, based on the theory of constructed emotion, qualitative interviews and factor analysis.

The article was first published in English language by *Criminology*, *Criminal Justice*, *Law & Society* and *The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Etopio, Au. L., Berthelot, E. R. (2022). Defining and Measuring Fear of Crime: A New Validated Scale Created from Emotion Theory, Qualitative Interviews, and Factor Analyses. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 23 (1), 46–67.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/34104-defining-and-measuring-fear-of-crime-a-new-validated-scale-created-from-emotion-theory-qualitative-interviews-and-factor-analyses>

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, using the general scientific and specific scientific methods of cognition, based on it.

Results: Fear of crime researchers have long debated how to best define and measure fear of crime. There is disagreement about the definition of fear of crime, which has led to inconsistent measurement. Our goal was to develop a new fear of crime scale using a theory of emotion and rigorous methodology. Scale development involved five major stages: in-depth interviews to understand how people describe their fear of crime, qualitative analysis to develop questionnaire items, pretesting, factor analyses, and psychometric validation. Qualitative interviews ($N = 29$) revealed that people use words like “fear”, “worry”, and “concern” interchangeably. After qualitative analysis led to an initial item pool, factor analyses yielded a 10-item, one-factor scale. Quantitative analyses ($N = 665$) revealed standardized factor loadings between 0.715 and 0.888, an internal consistency of $\alpha = 0.945$, and convergent and divergent validity. Our new measure will allow greater precision when researching fear of crime.

Scientific novelty: this study introduced the theory of constructed emotion to the study of fear of crime. The wide range of interviewees’ descriptions of their fear of crime is consistent with the theory of constructed emotion. Many interviewees conflated fear, worry, concern, and other emotion words, which illustrates the concept of emotional granularity. When someone uses words like “fear” and “concern” interchangeably, it suggests that that person’s experience of those emotions is the same in that context. The theory of constructed emotion posits that emotions are subjective and depend on the present context, someone’s previous experiences, and their understanding and use of emotion words. According to qualitative interviews, fear of crime encompasses many feelings including concern, unpleasant affect, worry, anxiety, paranoia, and panic. These findings will allow future research to further build theory on fear of crime.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the levels of fear of crime.

Keywords: Fear of crime, Measurement of fear of crime, Scale of fear of crime, Theory of constructed emotion, Criminological research, Tendency to fear of crime, Threat of victimization, Victimization

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Etopio, Au. L., Berthelot, E. R. (2022). Defining and Measuring Fear of Crime: A New Validated Scale Created from Emotion Theory, Qualitative Interviews, and Factor Analyses. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (2), 421–448. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.421-448>

Уровень насильственной преступности в США резко повысился в начале 1980-х и затем в начале 1990-х, однако в 1993 г. начал снижаться и с тех пор остается неизменным [1, 2]. Он снизился как минимум наполовину, по разным оценкам, снижение составило от 49 % (по официальным данным полиции) и до 77 % (по данным Национального исследования уголовной виктимизации) [1]. Снижение было настолько значительным, что в 2014 г. количество убийств (4,4 на 100 тысяч человек) стало наименьшим с 1957 г. [1, 2]. В 2015 и 2016 гг. количество убийств немного повысилось – до 4,9 и 5,3 на 100 тысяч человек соответственно [3], однако общее число преступлений по-прежнему снижается.

Представление общественности об уровне преступности в стране не соответствует реальному положению [1, 4–6]. После 11 сентября уровень преступности продолжал снижаться, однако процент американцев, считающих, что преступность растет, немедленно повысился [1, 5]. С тех пор этот показатель остается высоким, не соответствуя реальным уровням преступности [1, 5]. Проведенный в 2016 г. опрос института Гэллага показал, что 53 % американцев «сильно беспокоятся» по поводу преступности [7]. Это на 10 пунктов больше, чем в предыдущем году, и самый высокий показатель за исключением нескольких месяцев, следующих за 11 сентября (62 %).

Страх преступности может иметь ряд негативных проявлений независимо от реальной виктимизации. Исследования показывают, что лица с высоким уровнем страха преступности почти в два раза чаще испытывают депрессию [8]. Страх преступности также связан с более слабым физическим здоровьем [9], включая нарушения сна [10], ограниченность физического функционирования, хронические нарушения здоровья [11].

С учетом далеко идущих последствий страха преступности этот феномен служил предметом научного изучения в течение нескольких десятилетий, однако у них есть два существенных ограничения. Во-первых, не выработано единого определения страха преступности [12–15]. В различных работах используются разные определения, иногда ничем не обоснованные. Некоторые определения противоречат друг другу, при этом не было сделано попыток разрешить эти противоречия. Недостаточно теоретических или эмпирических работ посвящено концептуализации страха преступности [14]. Во-вторых, отсутствие общего понимания страха преступности привело к недостаточной обоснованности измерительных методов.

Нечеткость в определении и измерении потенциально может лишить такие исследования смысла. Например, метаанализ, проведенный Collins [12], показал, что возрастные различия в проявлениях страха преступности во многом определялись различиями в методологии опросов. Качественные исследования зависят от точности и стандартизации инструментов измерения, а они до сих пор не выработаны для изучения данного феномена.

Целью данной работы является усовершенствование определения и методов измерения страха преступности. Работа вносит значительный вклад в научную литературу по данному вопросу в двух основных направлениях. Во-первых, насколько нам известно, теория конструируемых эмоций до сих пор не применялась при изучении страха преступности. Кроме того, это первая работа, посвященная систематическому созданию инструмента измерения страха преступности на основе количественных данных, полученных путем опросов.

Перед тем как представить авторское определение и инструмент измерения страха преступности, покажем прежние разработки данной темы на протяжении нескольких десятилетий, обратив внимание на ряд противоречий. Затем опишем историю измерений страха преступности и ограничения каждого подхода. Наконец, остановимся на теории конструируемых эмоций и опишем нашу методику.

Обзор литературы

Нечеткость определения

С тех пор как страх преступности начали изучать, его определение остается нечетким. Как с сожалением отмечали Ferraro и LaGrange, различные определения страха преступности давались столько раз, что это обозначение потеряло всякую ценность [13. Р. 71]. Несколько десятилетий спустя эта проблема по-прежнему не решена.

История создания определения страха преступности

Одним из первых ученых, концептуализировавших страх преступности, был Furstenberg [16]. Он выступил с критикой докладов, посвященных восприятию преступности в обществе, за то, что термины «страх» и «озабоченность» используются как взаимозаменяемые, хотя они обозначают совершенно разные понятия (р. 603). Он также пояснил, что страх преступности отражает воспринимаемую индивидом возможность своей виктимизации, тогда как озабоченность – это оценка тяжести проблем с преступностью в стране (р. 603). Критика Furstenberg'a выявила основной вопрос в определении страха преступности: включает ли в себя это понятие также озабоченность или это разные понятия?

Garofalo «эмоциональную реакцию, характеризующуюся чувством опасности и тревожности... происходящую из угрозы *физического вреда*» [17. Р. 840, курсив в оригинале]. Он считал, что страх является реакцией на физический вред, тогда как реакцию на потенциальный имущественный ущерб можно описать скорее как беспокойство (*worry*). Он предполагал, что переживание потенциального имущественного ущерба является в большей мере когнитивным, а физической угрозы – скорее эмоциональным. Однако затем он поясняет, что имущественный ущерб может все же вызвать страх, если ценность этого имущества достаточно высока или если имущественное преступление воспринимается как, возможно, ведущее к физической угрозе. Интересно, что Garofalo определял страх как тревожность (*anxiety*), тогда как другие исследователи [18, 19] позже доказали, что тревожность отличается от страха. Работа Garofalo [17] также противоречит выводам Furstenberg'a [16]: Furstenberg определял страх преступности как воспринимаемый риск, а Garofalo проводил различие между восприятием и эмоцией. Всего через десять лет существовало уже множество определений

Этопио О. Л., Бертелот Э. Р. Определение и измерение уровня страха преступности...
Etopio Au. L., Berthelot E. R. Defining and Measuring Fear of Crime...

страха преступности. Исследователи рассматривали воспринимаемые риск, беспокойство, тревожность, страх как таковой в качестве компонентов страха преступности.

Ferraro и LaGrange [13] одними из первых дали системное определение страха преступности. Согласно их таксономии (первоначально предложенной в работе [20]), восприятие преступности распадается на три категории: суждения (о риске преступности), ценности (озабоченность) и эмоции (страх). Они определили страх преступности как «негативную эмоциональную реакцию на преступность или символы, связанные с преступностью» (р. 72). По их мнению, понятие «страха преступности» необходимо ограничить эмоциональным компонентом, поскольку он «концептуально отличается» от озабоченности и воспринимаемого риска (р. 72). Такое понимание совпадает с выводами Furstenberg'a, продолжая традицию разграничения между озабоченностью и страхом. Однако отличие от точки зрения Furstenberg'a в том, что Furstenberg определял страх преступности как воспринимаемый риск, тогда как Ferraro и LaGrange считали страх эмоцией, а воспринимаемый риск – суждением. С тех пор появилось множество работ, авторы которых [21, 14, 22, 23, 15] также считали воспринимаемый риск отдельным понятием. Возник второй вопрос: является ли страх преступности чисто эмоциональным или он включает в себя воспринимаемый риск виктимизации?

В 1990-е гг. попытки осмысления феномена страха преступности стали менее активными, однако вновь усилились в начале 2000-х. С тех пор было предложено несколько определений и типологизаций страха преступности, но единого мнения так и не было выработано.

Warr [15] согласен с Ferraro и LaGrange [13] в том, что страх – это эмоция, однако критикует предложенное ими определение как расплывчатое: «негативная эмоциональная реакция» может быть гневом, печалью, отвращением, а не только страхом. Он утверждает, что «страх – это чувство тревоги (*alarm*) или ужаса (*dread*), вызванного пониманием или ожиданием опасности (см. [24])» (р. 453). Он особо подчеркивает, что страх преступности следует отличать от воспринимаемого риска виктимизации – по его мнению, воспринимаемый риск виктимизации является причиной страха преступности. Эти два феномена он различал по физиологическим изменениям, включая потоотделение и повышенное сердцебиение (р. 454). Однако более поздние исследования показали, что страх нельзя определить по физиологическим признакам [25, 26]. Даже если бы существовали такие строгие физиологические признаки страха, методика работы Warr'a не позволяет напрямую измерить их или выяснить что-либо о физиологических переживаниях (см. ниже раздел «Предыдущие исследования»).

Warr [15] возражал против выводов Garofalo [17], указав, что в психологии страх вызывается непосредственной угрозой, тогда как тревожность вызывается восприятием прошлого или будущего (р. 454). Здесь возникает третий вопрос: объединяет ли понятие «страх преступности» страх и тревожность или это различные понятия? В интересной работе, несколько отходящей от предыдущих исследований по данной теме, Williams и соавт. [27] предложили называть страх преступности «беспокойством по поводу виктимизации», пока не будет достигнуто согласия о психологических компонентах этого феномена.

Спустя три десятилетия страх преступности стали определять на более тонком уровне, чем просто различия в терминах (таких как страх, беспокойство, озабоченность, тревожность и т. д.). Gabriel и Grieve [28] предложили различать ситуационный и диспозиционный страх преступности. Ситуационный страх преступности – это преходящий страх, ощущаемый в конкретный момент, тогда как диспозиционный страх преступности – это чья-то предрасположенность к боязни преступности. Однако представляется практически невозможным измерить ситуационный страх преступности (вне лабораторных условий), поскольку исследователю пришлось бы вести измерения в криминальной обстановке. Таким образом, исследователи ограничены измерениями диспозиционного страха преступности. Другими словами, мы должны допустить, что уровень страха преступности, присущий индивиду, соответствует его предрасположенности к боязни преступности.

Позднее дискуссия о связи между страхом преступности и воспринимаемым риском продолжалась, хотя в более ранних работах уже указывалось на отличия в этих терминах. Rader [29] считала, что эмоция (страх преступности), восприятие (воспринимаемый риск виктимизации) и поведение (вынужденные действия) вместе составляют более общее понятие «угроза виктимизации». По ее мнению, каждый из этих показате-

лей является реакцией на угрозу виктимизации. Это интересный и убедительный подход, однако он еще раз подчеркивает отсутствие единого понимания учеными страха преступности.

По мнению Jackson [30], страх преступности включает в себя частотность беспокойства по поводу виктимизации, восприятие риска, представления об уровне преступности, восприятие беспорядка и восприятие общественного окружения. Исследователь остановился на измерении «беспокойства», а не «страха» или «тревожности». Он доказывает, что страх – это интенсивная физиологическая реакция на существующую угрозу, тревожность – слишком размытое понятие, тогда как термин «беспокойство» отражает психическое состояние, которое включает в себя сверхнастороженность и оценку возможной опасности.

Наш обзор представляет три спорных вопроса в определении страха преступности. Первый: следует ли различать страх преступности и озабоченность или это взаимозаменяемые понятия? Второй: следует ли включать воспринимаемый риск виктимизации в понятие «страх преступности»? Третий: включает ли понятие «страх преступности» тревожность или они различны по своей сути? Эти вопросы остаются без ответа даже спустя 50 лет изучения страха преступности. Это говорит о необходимости прояснить данное понятие.

Предыдущие исследования

В этом разделе представлен обзор подходов, которые ранее использовались для измерения уровня страха преступности. В этой области существует несколько традиционных подходов: одно- или двухкомпонентные исследования на основе общенациональных опросов, в которых спрашивают о боязни отдельных видов преступлений, о частотности и интенсивности испытываемого чувства страха преступности или делаются попытки измерить уровень страха преступности в целом.

Однокомпонентные исследования

Самые ранние исследования страха преступности были однокомпонентными (Общее социальное исследование (*General Social Survey, GSS*) и Национальный опрос по уголовной виктимизации (*National Crime Victimization Survey, NCVS*)). Начиная с 1973 г. в *GSS* задавали вопрос: «Есть ли на расстоянии одной мили от вас место, где вы бы побоялись ходить ночью в одиночку?» [31]. В опросе *NCVS* ставился вопрос: «Насколько безопасно вы чувствуете себя ночью в одиночку в окрестностях вашего дома?» [32–34]. Иногда задают тот же вопрос относительно дневного времени. Ни в том, ни в другом опросе не спрашивают конкретно о преступности – респонденты могут опасаться ходить ночью в одиночку из-за интенсивного дорожного движения, из страха заблудиться, они могут бояться бродячих животных или гололеда. Кроме того, в *NCVS* спрашивается не о страхе, а о восприятии безопасности. Также эти вопросы не дают возможности измерить страх преступности в других ситуациях, помимо нахождения ночью в одиночестве в окрестностях места проживания. Еще один недостаток состоит в том, что лица, наиболее опасющиеся преступности, с наименьшей вероятностью могут оказаться одни ночью на улице [32].

Измерение страха перед отдельными видами преступлений

Другой подход к измерению уровня страха преступности состоит в том, чтобы респонденты проранжировали интенсивность своего страха перед отдельными видами преступлений. Такой подход использовали многие ученые, предлагая списки от одного до 16 видов преступлений. Warr [19] разработан вопросник на 16 видов преступлений; респонденты должны были указать свой уровень страха перед такими событиями, как, например, «быть избитым незнакомым человеком», «быть убитым», «что у вас что-то отберут силой» (р. 685). Среди вопросов были такие, как страх, «что вам продадут зараженную еду», «вас нецензурно обругают по телефону» (р. 685), хотя они, вероятно, не относятся к понятию «страха преступности». Были включены также два вопроса об автомобилях (например, угон машины), которые не релевантны для респондентов, не имеющих автомобиля. Ferraro [21] проводил исследование с 10 видами преступлений; он также включил вопрос об угоне машины.

Как говорилось выше, Ferraro и LaGrange [13] определили страх преступности как эмоциональную реакцию, однако опросник Ferraro [21] не соответствует этому определению. Это нарушает валидность содер-

жания, т. е. свойство инструмента измерения представлять весь конструкт в целом [35]. Другими словами, данный инструмент не отражает всю целостность конструкта «страх преступности». Просить участников проранжировать их уровень тревожности по списку из 10 видов преступлений – это то же самое, что просить их ранжировать тревожность по поводу самых разных вещей, например, социальных контактов, перелетов, работы, финансов, политики, своего тела, микробов, смерти, публичных выступлений и т. д. Такие вопросы покажут некие индивидуальные различия в уровне тревожности, но не отразят действительные эмоциональные качества тревожности. Таким образом, подход Ferraro [21], основанный на вопросах о страхах по поводу отдельных видов преступлений, также не отражает эмоциональные качества страха преступности.

Помимо проблем, связанных с содержанием вопросов, необоснованными представляются также количество и состав включенных видов преступлений. Swatt и соавт. [36] включили пять видов преступлений; Gau и соавт. [37] – три вида (угроза физическим насилием, кража со взломом, грабеж); Gray и соавт. [38] – также три вида преступлений (угон машины, кража со взломом, грабеж); Gray и соавт. [39] включили только грабеж.

Частота и интенсивность страха преступности

Farrall и Gadd [40] отступили от традиционных подходов к исследованиям, посвященным страху преступлений, начав изучать частоту и интенсивность переживаемого страха преступности. Они задавали вопрос: «В течение прошлого года вы испытывали страх, что можете стать жертвой преступления?» (р. 128). Если участник отвечал «да», они спрашивали, насколько часто возникало это чувство в течение прошлого года. Третий вопрос был: «В последний раз, когда вы испытывали этот страх, насколько сильным он был?»; предлагались варианты ответа от «не очень сильный» до «очень сильный».

Gray и соавт. [38] адаптировали эту методику и задавали вопрос о частоте и интенсивности страха перед тремя конкретными преступлениями (угон машины, кража со взломом, грабеж): «В течение прошлого года вы испытывали беспокойство по поводу [угона машины/кражи со взломом/грабежа]?» Интересно, что Gray и соавт. [38] отклонились от первоначальной формулировки и стали спрашивать о беспокойстве, а не о страхе. Второй вопрос у них одинаков с первоначальным, а в третьем опять появляются отличия. Сам вопрос был тем же («В последний раз, когда вы испытывали этот страх, насколько сильным он был?»), однако в вариантах ответов фигурировало слово «беспокойство»: от «испытывал не очень сильное беспокойство» до «испытывал очень сильное беспокойство». В работе Gray и соавт. [39] было сделано то же самое. Интересно, что в первом вопросе они заменили «страх» на «беспокойство», а в третьем приравнивали эти понятия друг к другу. Gray и соавт. [39] также отметили, что при опросах по поводу страха преступности в Великобритании чаще используется слово «беспокойство», а в США – «страх». Это еще раз указывает на несоответствия в определении и измерении, особенно если эти понятия используются как взаимозаменяемые или если они обозначают различные конструкты.

Общий уровень страха преступности

Еще один распространенный подход к измерению страха преступности – это попытка описать данный конструкт в целом. При этом необходимо раскрыть психическую основу данного конструкта. Один из первых инструментов такого рода был предложен Lee [41]. В его опросник были включены такие прямые и, на первый взгляд, валидные пункты, как «Я испытываю сильное беспокойство по поводу моей личной безопасности со стороны преступности» (р. 290). Однако последний вопрос двусмысленный: «Были ли *преступность или страх преступности* серьезной проблемой для вас в прошлом году?» (курсив авторов), что нарушает валидность опросника. Что означают высокие показатели по этому вопросу? Участник мог иметь проблемы с преступностью, но не испытывать страха перед ней или не иметь проблем, но испытывать сильный страх.

Phelan и соавт. [42] модифицировали шкалу Senn и Dzinis' [43], созданную для изучения страха перед изнасилованием, в направлении насильственных преступлений в целом. Они сформулировали 28 пунктов, включая «Возможность физического нападения ограничивает мою свободу передвижения» (р. 45). При этом пять из 28 пунктов посвящены использованию общественного транспорта, а четыре пункта – использованию

автомобиля, что нарушает валидность конструкта. Для лиц, не пользующихся общественным транспортом, нерелевантен пункт «Когда я выбираю место в автобусе или метро, я обращаю внимание на тех, кто сидит рядом», а для не имеющих автомобиля – пункт «Если я еду в машине в одиночку и мне нужно припарковаться, я выберу хорошо освещенную улицу». Вопросы, нерелевантные для участников, нарушают валидность конструкта, потому что участники вынуждены либо пропускать вопрос, либо фантазировать.

В более новом исследовании Cors [44] предложена шкала из восьми пунктов. В первых четырех из них вообще не идет речи о преступности, например: «По вечерам следует быть очень внимательным, идя по улице» (р. 1113). Три пункта содержат речевые обороты, способные привести к искажениям на основе допущений [45]. Например, в пункте «В наши дни небезопасно отпускать детей на улицу одних» выражение «в наши дни» может подтолкнуть участника к заключению, что преступность является или стала серьезной проблемой в последние годы. Тщательное соблюдение методологии чрезвычайно важно для создания точного измерительного инструмента.

Выводы по предыдущим инструментам для измерения страха преступности

Одно- и двухкомпонентные исследования вызывают нарекания, потому что задаваемые в них вопросы не относятся напрямую к преступности. Подход к измерению страха перед отдельными видами преступлений вызывает много вопросов из-за значительного разброса в количестве видов преступлений и их отборе, а также из-за сложностей в описании эмоциональных качеств страха преступности. Что касается общего уровня страха преступности, здесь вызывают сомнения методология проведения опросов и интерпретируемость результатов. Измерения будут корректными только при условии тщательного применения как методологии, так и теоретических положений.

Что такое страх?

При измерении страха преступности важно рассмотреть психологическую концептуализацию страха как психического конструкта. С этой целью в данной работе вводится психологическая теория эмоций. А именно для выработки определения страха и операционального определения страха преступности мы использовали теорию конструируемых эмоций (в отличие от более ранней теории базовых эмоций).

Теория базовых эмоций

При определении страха и разграничении его с другими эмоциями Warr [15] указал на специфические физиологические изменения, такие как учащенное сердцебиение и дыхание (р. 454). Этот подход находится в русле ранних представлений традиционной психологии о базовых эмоциях. Ekman [46] и Warr [15] настаивают, что страх является реакцией на непосредственную угрозу вреда. Согласно теории базовых эмоций Ekman'a [46], страх относится к базовым эмоциям, а значит, его можно отличить, среди прочих критериев, по набору известных свойств, включая определенное выражение лица, физиологические проявления (включая мозговую активность и сердечный ритм) и универсальные предшествующие события (т. е. особые типы спусковых механизмов) [47]. Он также считал, что страх и другие базовые эмоции универсальны, т. е. очень мало отличаются или совсем не отличаются в разных культурах. Однако позже многочисленные исследования не подтвердили эту теорию. Недавний метаанализ 202 исследований показал, что автономная деятельность нервной системы не может разграничить различные эмоции, т. е. между страхом и другими эмоциями нет четких физиологических границ [26]. Это противоречит мнению Warr'a [15] о том, что страх отличается от беспокойства по физиологическим проявлениям, включая потоотделение и повышенное сердцебиение.

Теория конструируемых эмоций

Теория конструируемых эмоций полностью противоположна теории базовых эмоций (и концептуализации страха преступности по Warr'у). В широком смысле эта теория постулирует, что эмоции не заложены с рождения, но конструируются мозгом в момент необходимости [48]. Barrett утверждает, что эмоции начинаются

с «аффекта», т. е. приятного или неприятного чувства определенной интенсивности. Эмоция возникает позже, когда человек чувствует аффект и называет его неким концептом эмоции (например, «страхом»). Без такого названия существует лишь чувство приятного или неприятного. Упрощенно говоря, эмоции – это вербальная категоризация человеком своих чувств по отношению к окружающему миру [48].

В таком случае эмоции чрезвычайно зависят от контекста. Barrett [48] приходит к выводу, что телесные ощущения не имеют конкретных значений – они становятся значимыми лишь тогда, когда мы придаем им смысл через вербальные концепции. Например, ощущение боли в животе может иметь различный смысл в зависимости от контекста. Перед публичным выступлением оно может означать нервозность. На свидании – сексуальное возбуждение. После правонарушения – чувство вины. Перед лицом смерти – печаль. При ничейном счете в игре – азарт. А если за нами ночью идет незнакомец, это может означать страх (преступления). Интерпретация ощущения боли в животе зависит от оценки нашим мозгом потребностей индивида в конкретном контексте, а также от его прошлого опыта в подобных контекстах.

Концепты эмоций зависят от языка, поскольку эмоции – это обозначения аффективных переживаний. Глубина детализации эмоций соответствует способности человека проводить различие между концептами эмоций [48, 49]. Например, человек, который может описать различия между понятиями «счастливый» и «довольный» или между «нервный» и «тревожный», обладает большей глубиной детализации эмоций, чем тот, кто считает эти пары синонимами. Лица с большей глубиной детализации эмоций обладают более тонкими эмоциональными переживаниями, чем люди с более низкими показателями детализации эмоций.

Таким образом, переживание эмоций связано с языком. Какие эмоции испытывают люди, зависит от того, какие слова для описания аффективных переживаний им известны. Barrett [48] считает, что эмоции – это не реакции, но скорее конструкторы реальности. Такое понимание соответствует социологической традиции символического интеракционизма. Согласно этому направлению, смыслы – это продукты социального взаимодействия, общего языка и коммуникации [50]. Barrett также считает, что значения эмоций зависят от социального взаимодействия и коммуникации возникают из общего языка.

Цель исследования

Цель данной работы – усовершенствовать определение и методы измерения страха преступности. Основная задача – разработать новую шкалу для измерения страха преступности, используя теоретические положения и строгую методологию. Прежде всего, для усовершенствования определения страха преступности мы интегрировали теорию конструируемых эмоций из области психологии и криминологическое исследование страха преступности. В указанной теории, как и в настоящей работе в целом, выявляются важные аспекты эмоций, ключевые для понимания страха вообще и страха преступности в частности. Затем с целью усовершенствования методов измерения страха преступности мы создали новую шкалу на основе качественных описаний страха преступности респондентами.

Методы

Разработка и валидация шкалы включала пять основных этапов. На первом этапе мы провели 29 глубинных интервью, в ходе которых участники описывали свой страх преступности. На втором этапе темы и утверждения, возникшие в ходе интервью, использовались для создания первоначального набора пунктов опросника. На третьем этапе эти пункты прошли предварительную проверку путем когнитивных интервью и экспертных оценок специалистов в области страха преступности. На четвертом этапе, после проведенных проверок, мы отобрали две количественные выборки для оценки факторной структуры ($N = 305$) и оценки факторов по результатам наблюдения ($N = 360$). Наконец, на пятом этапе мы объединили обе количественные выборки ($N = 665$) и проверили нашу новую шкалу на конвергентную и дивергентную валидность путем сравнения ее с существующими измерительными инструментами как из области криминологии, так и психологии. Все этапы исследования были одобрены Комиссией по этике.

Этап 1. Глубинные интервью

Задачей качественных интервью была выработка нового понимания страха преступности. Jackson [30] утверждал, что «качественные данные могут выполнять важную корректирующую роль» в вопросах, связанных с формулировками пунктов опросников при изучении таких неопределенных понятий, как страх преступности (р. 297). Давая возможность участникам опроса описать их страх преступности своими словами, мы определяли способ, которым они это делали. Это позволило создать инструмент измерения, основанный на реальных эмоциональных переживаниях. Выявленные на интервью темы и утверждения использовались затем для формулирования пунктов опросника.

Выборка и участники

Для глубинных интервью было отобрано 29 жителей среднего по размеру города на западе США методами целевой и случайной выборки и по методу снежного кома. Выбор города был обусловлен тем, что авторы проживали в нем в период проведения исследования, а также тем, что уровень преступности в нем был выше, чем в среднем в США [51], что соответствует теме исследования. Для целевой выборки мы использовали рекламу на сайте nextdoor.com (онлайн-форум для проживающих в данной местности) и на собраниях местных консультативных советов каждого из пяти районов города. Такая стратегия позволила отобрать жителей, с большой вероятностью имеющих свое мнение о преступности. Кроме того, мы использовали случайную выборку, распространив листовки в районах с различными показателями преступности. Наконец, мы использовали также выборку по методу снежного кома, когда каждого участника просили пригласить еще кого-нибудь. Набор был прекращен после достижения насыщения, т. е. когда перестали появляться новые темы.

Интервью проводились в период между ноябрем 2018 г. и апрелем 2019 г., все участники были жителями местного сообщества, кроме одного, который переехал в другой город того же штата и проходил опрос через Zoom. Мужчины составляли 58,6 % выборки. Возраст участников составлял от 26 до 73 лет, средний возраст – 51 год. Большинство участников были белыми (89,7 %), 10,3 % были чернокожими, один участник – арабского происхождения. Лишь один респондент никогда не был жертвой какого-либо преступления. Почти четверть респондентов (24,1 %) являлись сотрудниками правоохранительных органов. Сотрудники правоохранительных органов не отбирались специально, но оказались более отзывчивыми на просьбы об участии, чем остальные жители. Это неудивительно, учитывая тематику исследования. Кроме того, выборка по методу снежного кома способствовала увеличению доли офицеров полиции.

Процедура

Все 29 интервью были проведены первым соавтором. Интервью являлись полуструктурированными. Сначала участникам задавали вопросы общего характера об их восприятии города, окружения, опыта контактов с преступным миром. Затем их спрашивали об их эмоциональной реакции на преступность и страхе преступности. Опросник (Приложение) включал такие пункты, как «Что вы думаете о преступности в целом?», «Что вы чувствуете по поводу возможных преступлений?», «Что вы чувствуете, когда испытываете страх перед преступлением?». В инструкцию включены также дополнительные вопросы для каждого из основных пунктов, которые могли бы побудить интервьюируемых расширить свои ответы. Поскольку целью интервью было раскрытие эмоциональных переживаний страха преступности, эти дополнительные вопросы фокусировались на эмоциональных реакциях и чувствах, связанных со страхами, ощущениями и мыслями по поводу преступности. Каждое интервью продолжалось около часа и с согласия участников записывалось на аудионоситель и транскрибировалось. По завершении интервью участники также заполняли небольшой опросник с демографическими данными.

После каждого интервью первый соавтор делал заметки относительно ответов респондентов. Каждая заметка содержала важные высказывания, связи с теоретическими положениями и с более ранними работами, а также вновь возникающие темы. В дальнейшем эти заметки использовались при кодировании возможных тем.

Расшифровки интервью кодировались в программе *Dedoose* с использованием комбинированного метода индукции и ссылок на теорию и литературу. Прежде всего, каждому из основных вопросов и ответу на него были присвоены коды широких значений. Затем возникающим в процессе интервью темам и концепциям присваивались коды более узких понятий в соответствии с теорией и положениями научной литературы. Затем эти понятийные коды использовались для категоризации высказываний интервьюируемых об их чувствах и эмоциях относительно преступности.

Прежде всего кодированию подвергались чувства и эмоции участников. Были выявлены три основные категории: обозначения эмоций, неприятный аффект, озабоченность. Высказывания кодировались как эмоции, если интервьюируемый упоминал определенные слова, обозначающие эмоции. Например, высказывание кодировалось как «страх», если в нем содержались такие слова, как «страх», «страшный», «бояться», «напуганный», «устрашающий», «ужасный», «в ужасе», «пугающий», «испуганный». Высказывание не кодировалось как «страх», если респондент упоминал лишь физиологические изменения, такие как учащенное дыхание или пульс. Например, высказывание «В нашем доме есть сигнализация, и я боюсь забыть включить ее на ночь, когда мы ложимся спать» получало кодировку «страх», а высказывание «У меня холодок пробежал по спине» – нет. В процессе кодирования мы постоянно руководствовались теорией конструируемых эмоций.

Основываясь на новейших психологических исследованиях, теория конструируемых эмоций гласит, что не существует никаких специфических физиологических маркеров эмоций [25, 26]; поэтому мы приняли решение исключить упоминания о физиологических изменениях их кодирования эмоций. Barrett также считает, что эмоции различаются по обозначающим их словам, что еще раз подтверждает необходимость ограничиться этими обозначениями при кодировании эмоций. Таким образом, кодирование фокусируется на субъективных психических переживаниях страха преступности.

Тот же подход применялся при кодировании неприятных аффектов. Высказывание кодировалось как «неприятный аффект», если интервьюируемый упоминал такие слова, как «расстроенный», «некомфортный», «напряженный», «раздраженный», «подавленный», «огорченный». Эти слова обозначают не конкретные эмоции, но общее неприятное чувство (т. е. неприятный аффект). Например, когда респондент говорит, что преступность его «расстраивает», он может иметь в виду печаль, гнев, беспокойство или другую негативную эмоцию. Поскольку не упомянута никакая конкретная эмоция, данное высказывание кодируется как «неприятный аффект». Например, таковым будет высказывание «Мне просто стало очень некомфортно». То же относится к описаниям эмоционального цикла, который моделирует аффект по двум направлениям: валентность (позитивное или негативное чувство) и выраженность (степень возбуждения; [25, 52]).

Таким же образом происходило кодирование в категории «озабоченность» – при использовании интервьюируемым таких слов, как «озабоченность», «быть озабоченным», «испытывающий озабоченность», «вызывающий озабоченность». Например, «Я был очень озабочен тем, что кто-то вломился в наш дом». Озабоченность не кодировалась как эмоция или аффект, потому что это не обязательно аффективное состояние. При кодировании мы опирались на исследования аффективных циклов [52] и более ранние работы. Озабоченность расценивалась как когнитивное состояние, которое может быть или не быть связано с аффективным состоянием. Другими словами, озабоченность может представлять собой психическое состояние без выраженного возбуждения. Вероятно, озабоченность – это когнитивное состояние, связанное с восприятием конкретного объекта как релевантного конкретной ситуации. Feiga и LaGrange [13] считали, что озабоченность – это ценность, а страх – эмоция, что еще раз подтверждает корректность создания отдельной категории для кодирования озабоченности.

Мы сознательно не кодировали действия как эмоции. Многие респонденты упоминали о своей сверхнастороженности или замкнутости независимо от уровня страха. Например, некоторые говорили, что боятся преступности, потому что им присуща сверхнастороженность, а другие – что они являются сверхнастороженными, потому что боятся преступности. Аналогичным образом некоторые респонденты говорили, что не боятся преступности, потому что избегают определенных мест, тогда как другие – что они избегают определенных мест, потому что боятся преступности. Это показывает, что одни и те же действия могут выполняться людьми с разным уровнем страха, а значит, поведение не является валидным индикатором страха преступности.

Качественные результаты

Качественный анализ привел к трем основным результатам. Во-первых, интервьюируемые упоминали широкий спектр эмоциональных переживаний, связанных со страхом перед возможным преступлением. Во-вторых, кроме эмоций, респонденты упоминали о переживаниях, соответствующих неприятному аффекту. В-третьих, при описании страха интервьюируемые использовали множество различных слов в качестве синонимов слова «страх», включая «озабоченность» и «беспокойство».

Разнообразие эмоциональных переживаний

Страх и другие эмоции, связанные со страхом. Описывая свое восприятие преступности, интервьюируемые сообщали о различных эмоциональных переживаниях. Самым частотным субкодом эмоций стал «страх». Все 29 участников (100 %) упомянули страх или связанные с ним понятия, такие как «страшный», «напуганный», «устрашающий», «бояться», «быть в ужасе». Кроме того, отдельно кодировались такие связанные со страхом слова, как «беспокойство», «тревожность», «нервозность», «паранойя», «паника», – каждое из них получало свой субкод в категории «эмоции». Вторым по частотности словом, связанным со страхом, стал код «беспокойство» (66 %), затем «тревожность» (55 %), «нервозность» (48 %), «паранойя» (31 %) и «паника» (17 %). В табл. 1 показаны определения, примеры и показатели частотности кодов и субкодов.

Другие эмоции (не связанные со страхом). Большинство участников (90 %) упоминали также другие эмоции, не связанные со страхом. В целом код «другие эмоции» стал самым частотным после кода «страх». Интервьюируемые сообщали, что испытывали такие чувства, как гнев, досада, раздражение, печаль, отвращение, разочарование, обида, волнение, сочувствие, сопереживание и др. Джина, 26 лет, описала сильный гнев, а не страх, при виде следов взлома своей машины: «Я чувствовала сильное сердцебиение от злости... я злилась, наверное, несколько недель». Многие респонденты говорили, что испытывали несколько эмоций одновременно. Гарри, 60 лет, описал, что бы он чувствовал, если бы украли его автомобиль: «Я бы чувствовал горе. Я бы чувствовал злость. Да, добавьте злость в ваш список. Да, я бы чувствовал сильный гнев». Дэйв, 73 лет, сообщил: «Я чувствую отвращение, злость, подавленность. Я не вижу, чем можно извинить [преступление]. Я сочувствую жертвам». Эти чувства описаны как происходящие одновременно.

Неприятный аффект. Наряду с обозначениями эмоций, интервьюируемые использовали слова, относящиеся к неприятным аффектам, а не к конкретным эмоциям. Среди них такие слова, как «расстроенный», «некомфортный», «напряженный», «раздраженный». Код неприятных аффектов стал третьим по частотности (79 %) после страха и других (не связанных со страхом) эмоций. Обычно так отвечали на вопрос «Что вы чувствуете по поводу возможных преступлений?». Например, Франклин, 33 лет, ответил: «Я чувствую напряжение». Рита, 48 лет: «Я расстраиваюсь. Мне не нравится дисбаланс сил». При ответе на открытый вопрос, не содержащий указания на страх, респонденты описывали разнообразные неопределенные аффективные переживания наряду с конкретными эмоциональными переживаниями.

Использование синонимичных обозначений эмоций

Большинство респондентов (69 %) также сообщали о чувстве озабоченности по поводу преступности. Они часто использовали слова «страх», «беспокойство» и «озабоченность» как взаимозаменяемые. Например, Оливия, 31 год, сообщила:

«Предположим, я смотрю страшный фильм и боюсь, что кто-то есть в доме. Это больше потому, что опасаясь столкнуться с кем-то из грабителей – это не потому, что меня беспокоит, что они заберут телевизор – я могу купить другой телевизор. Это потому, что обычно, если большинство грабителей сталкиваются с хозяином, который заходит в дом, или они пытаются проникнуть в дом, когда хозяин внутри, все заканчивается насилием. Именно это [насильственные действия] меня заботит».

Таблица 1

Определения и примеры кодов и субкодов
Table 1. Definitions and Examples of Codes and Subcodes

Код / Code	Определение / Definition	Примеры высказываний / Example Quotes	Кол-во (%) / n (%)
Эмоция / Emotion	Интервьюируемый использовал слова, относящиеся к концепту эмоций / Interviewee used words that refer to an emotion concept		
Страх / Fear	Интервьюируемый использовал такие слова, как «страх», «испугаться», «бояться», «быть в ужасе» / Interviewee used words such as fear, afraid, scared, terrified	«Я всегда боялся получить удар ножом» / “I have always been afraid of being stabbed”	29 (100 %)
Беспокойство / Worry	Интервьюируемый использовал такие слова, как «обеспокоенный», «беспокойство» / Interviewee used words such as worried, worrisome	«Я не беспокоюсь, что другие что-то сделают мне, я беспокоюсь за офицеров полиции» / “So I’m not worried about my other citizens doing any damage to me. I’m worried about the police officers”	19 (66 %)
Тревожность / Anxiety	Интервьюируемый использовал такие слова, как «тревожность», «встревоженный» / Interviewee used words such as anxiety, anxious	«Как бы тревожно, да, я чувствовал встревоженность» / “Kind of like anxious, well, yeah, I get anxious”	16 (55 %)
Нервозность / Nervousness	Интервьюируемый использовал такие слова, как «нервный», «нервозность» / Interviewee used words such as nervous, nervousness	«У нас в Окленде был высокий уровень преступности. Я бы нервничал, если бы вернулся туда» / “There was... possibly a lot of crime in my Oakland neighborhood. I would be nervous coming home”	14 (48 %)
Паранойя / Paranoia	Интервьюируемый использовал такие слова, как «паранойя», «параноидальный» / Interviewee used words such as paranoia, paranoid	«Думаю, я постоянно колеблюсь, обвиняя себя то в излишней паранойе, то в недоверии к людям» / “I think I go back and forth though between accusing myself of being too paranoid, um, or being not trusting of people and that sort of thing”	9 (31 %)
Паника / Panic	Интервьюируемый использовал такие слова, как «паника», «панический» / Interviewee used words such as panic, panicky	«Я не склонен к панике. Но я определенно чувствовал панику, когда нам угрожали в прошлом году» / “I have a little sense of panic. I mean I definitely felt panic when we were, um, threatened last year”	5 (17 %)
Другое / Other	Интервьюируемый использовал другие слова, относящиеся к эмоциям, включая «печаль», «злость», «отвращение», «возбуждение», «сочувствие» / Interviewee used other emotion words including sadness, anger, disgust, excitement, empathy	«Я чувствовал сильное сердцебиение, потому что очень разозлился» / “I could feel my heart rate go up ‘cause I was so angry”	26 (90 %)
Озабоченность / Concern	Интервьюируемый использовал такие слова, как «озабоченность», «заботить» / Interviewee used words such as concern, concerns, concerning	«Меня больше заботит насильственная преступность» / “I tend to be more concerned about violent crimes”	20 (69 %)
Неприятный аффект / Unpleasant affect	Интервьюируемый использовал слова, относящиеся к неприятным аффектам, такие как «подавленный», «расстроенный», «раздраженный», но не к концепту эмоций / Interviewee used words relating to unpleasant affect – such as uncomfortable, upset, bothered – but not to an emotion concept	«Я бы сильно расстроился, если бы пришел домой и обнаружил, что кто-то вломился в дом и украл вещи» / “I’d get very upset if I came home and found that somebody had broken in and stolen stuff”	23 (79 %)

Примечание. N = 29. Приведенные примеры являются краткими выдержками из описаний, сделанных респондентами по поводу их чувств относительно преступности.

Note. N = 29. Example quotes are brief excerpts from interviewees describing their feelings about crime.

То, что, говоря о преступности, она использует слова «опасаешься», «беспокоит» и «заботит» как синонимы, означает, что они воспринимаются как взаимозаменяемые в данном контексте; поэтому все они относятся к категории «страх преступности». Аналогично сообщение Моны, 54 лет, которая ухаживает за другом, подвергшимся нападению: «Я бы беспокоилась из-за насильственных преступлений, знаете ли. Да, если бы я вышла одна из дома ночью, я бы чувствовала опасение». Она использует слова «беспокоилась» и «опасение» как синонимы. Селия, 47 лет: «Отчего я нервничаю – потому что [в этом городе] нет взаимопомощи между людьми, и я беспокоюсь, что люди равнодушны и им даже нравятся эти странные преступления». Как и Оливия и Мона, она использует слова «нервничаю» и «беспокоюсь» как синонимы.

Когда респондентам задавали уточняющие вопросы, они часто подтверждали, что для них эти обозначения эмоций несут один и тот же смысл. Дэн, 41 год, сказал, что для него «страх преступности» – это «страх неизвестности». Интервьюер попросил уточнить: «Так чувство страха для вас отличается от тревожности, о которой вы говорили ранее, или это одно и то же чувство?» Респондент ответил: «Вероятно, то же самое».

Обсуждение качественных результатов

Разнообразие эмоциональных переживаний интервьюируемых относительно преступности приводит к ряду интересных наблюдений. Во-первых, частота проявления эмоций, не связанных со страхом (т. е. гнев, печаль, отвращение), предполагает, что эмоции по поводу преступности зависят от индивидуальной интерпретации криминальной ситуации. Это разнообразие подтверждает высказанное Warr'ом [15] критическое отношение к определению страха преступности в работе Ferraro и LaGrange [13] как «негативной эмоциональной реакции» на преступление. Наши результаты показывают, что это может быть и гнев, и печаль, и отвращение, и другие эмоции, в зависимости от человека и ситуации. Этот вывод согласуется с одним австралийским исследованием, где было обнаружено, что злость/ярость – это самая распространенная эмоциональная реакция на неприемлемое поведение (например, преследование); вторым по частоте было безразличие, и лишь 14 % эмоциональных откликов содержали страх/тревогу [53]. Похожий результат описан в работе Farrall [54], где участники были более склонны испытывать гнев, чем страх в отношении преступности. Проще говоря, существует вероятность того, что свойство вызывать страх не является обязательным для преступности. Преступность может также вызывать ярость, печаль, отвращение как наряду, так и вместо страха. Как сказала наш респондент Нэнси, 67 лет: «Я понимаю, что [я и мои друзья] можем идти вместе по улице и видеть совершенно различные реальности. Совершенно различные».

Во-вторых, высокий процент респондентов (79 %), которые без каких-либо наводок сообщили о неприятном аффекте, говорит о том, что страх преступности включает в себя неопределенное ощущение дискомфорта, помимо таких конкретных эмоций, как страх и тревожность. Согласно теории конструируемых эмоций, неприятный аффект является строительным материалом для негативных эмоций – конкретная эмоция может возникнуть из аффекта, когда определенный контекст заставляет индивида конструировать эту эмоцию.

В-третьих, респонденты часто использовали слова «страх», «озабоченность», «беспокойство», «нервозность» и «тревожность» как синонимы; это указывает на то, что данные понятия могут быть концептуально тождественны. Отсюда следует, что концепция «страх преступности» связана со всеми этими чувствами и эмоциями. То, что интервьюируемые использовали для описания своего страха преступности различные слова как взаимозаменяемые, говорит о том, что для них страх преступности является абстрактным понятием, таким как страх перед неизвестностью (как сказал наш респондент Дэн), страх перед лишением свободы, страх перед успехом, страх пропустить что-то важное. Другими словами, страх – это такая мысленная неприятность, которую индивид обозначает словом «страх». Например, нельзя сказать, что страх перед лишением свободы запускает набор определенных физиологических реакций, включая потоотделение и ускоренное сердцебиение; это размытое, абстрактное чувство опасения или дискомфорта, которое можно описать словами «озабоченность», «беспокойство», «тревожность». Такие качественные результаты проясняют определение страха преступности. Далее мы используем эти качественные результаты для исследования конструкта страха преступности и создания новой шкалы для измерения страха преступности.

Этап 2. Создание пунктов опросника

Целью нашего качественного анализа было создание контента для количественной измерительной шкалы. Данные качественных интервью использовались при создании пунктов опросника двояким образом – как темы и как высказывания. Во-первых, для каждого кода (страх, беспокойство, тревожность, нервозность, паника, неприятный аффект) создавались два пункта опросника. Это согласуется с методикой George с соавт. [55] для создания опросника по несоблюдению пациентом мер лечения хронических заболеваний¹.

Во-вторых, при создании пунктов опросника мы использовали собственные высказывания респондентов. Например, один интервьюируемый отметил: «Я не думаю, что вероятность стать жертвой преступления меня очень пугает». Мы слегка модифицировали это высказывание и сформулировали пункт опросника: «Меня очень пугает вероятность стать жертвой преступления». Другой респондент сообщил: «Я до смерти боюсь выходить из дома ночью». Это высказывание мы включили дословно. Таким образом, записи интервью стали богатым источником формулировок. В некоторых пунктах не упоминалось конкретного обозначения эмоции, но были отражены другие чувства, описывающие страх, например, «я чувствую себя уязвимым перед преступностью».

Этот подход двояким образом усиливает валидность конструкта. Во-первых, формулировки пунктов отражают реальные переживания участников. Использование собственных слов интервьюируемых, в отличие от предполагаемых переживаний по поводу страха преступности, делает измерение данного конструкта аутентичным [56, 57]. Во-вторых, использование отрывков из записей интервью позволило сформулировать понятные участникам пункты опросника. Написанные простым языком пункты более понятны, что повышает валидность шкалы [57].

Этап 3. Тестирование пунктов опросника

Первоначальный набор пунктов опросника был протестирован с помощью когнитивных интервью и метода экспертных оценок. В первую очередь интервьюер провел пять когнитивных интервью для уточнения формулировок. Основная цель когнитивных интервью – определить, совпадает ли понимание пунктов респондентами со смыслами, заложенными авторами [58]. Участников просили описать и развить свои суждения по поводу обсуждаемых пунктов [58, 59]. Этот процесс может проходить в разных формах, стандартизированного протокола не существует [59]. В нашем исследовании было важно обеспечить точность и релевантность формулировок, поэтому интервьюер просил участников обращать особое внимание на эти аспекты. Им были даны следующие инструкции: 1) прочитать пункт вслух, 2) перефразировать пункт своими словами, 3) дать определение ключевым терминам (например, страху, преступности) своими словами, 4) описать свою логику при выборе ответа, 5) описать свою уверенность в выбранном ответе [59. С. 264]. Участники могли в любое время задавать вопросы по поводу смысла, заложенного в пункте, или своих сомнений. Затем формулировки корректировались с учетом вопросов, сомнений или рекомендаций участников.

После проведения когнитивных интервью и корректировки первоначальных пунктов вариант опросника был разослан семи экспертам в области страха преступности с просьбой просмотреть пункты опросника и высказать свое мнение. В качестве экспертов были выбраны исследователи, имеющие множество публикаций по проблеме страха преступности, включая измерительные инструменты в данной области. Работа экспертов не привела к внесению каких-либо изменений в пункты опросника.

¹ Некоторые из пунктов анкеты хорошо соответствовали темам интервью, другие же слабо коррелировали с ними. Так, формулировка пункта «Мои доктора тратят на меня адекватное количество времени» точно совпадала с кодом «Время взаимодействия с медицинским персоналом» [55. Р. 53]. Однако формулировка «Лечение моего заболевания нарушает ход моей жизни» имеет очень отдаленное отношение к коду «Затруднения» (р. 53). Не имея доступа к записям бесед и процедуры кодирования, сложно воспроизвести процесс создания формулировок пунктов.

Этап 4. Факторный анализ

При сборе данных для оценки факторной структуры (*exploratory factor analysis, EFA*) и оценке факторов по результатам наблюдения (*confirmatory factor analysis, CFA*) мы использовали онлайн-платформу *Qualtrics Panels*. Единственными критериями отбора участников был возраст старше 18 лет и свободное владение английским языком. Мы ввели квоты по полу и возрасту, так как пилотный запуск опросника показал преобладание женщин и молодых участников. Согласно квоте по полу, женщин должно быть не более 60 %; согласно квоте по возрасту, медианный возраст должен составлять 40 лет. Требовалось также дать корректный ответ на вопрос для проверки внимательности («На этот вопрос выберите вариант ответа “почти неверно для меня”»).

Оценка факторной структуры

В оценке факторной структуры участвовали 305 респондентов. Средний возраст составил 42,5 лет ($SD = 15,3$). Большинство участников (59,7 %) – женщины. По расовой принадлежности большинство были белыми (73,1 %), затем чернокожие (13,4 %), латиноамериканцы (5,9 %), азиатского (3,6 %), смешанного происхождения (3,0 %) и коренные американцы (1,0 %). Политические взгляды участников были различны: 28,8 % – либеральные, 44,3 % – умеренные, 26,8 % – консервативные.

Оценка факторной структуры проводилась с помощью программы *SPSS*. Визуальная оценка показала нормальное распределение по всем 36 первоначальным пунктам, значения коэффициента асимметрии распределения и коэффициента эксцесса распределения были ниже единицы. Отсутствующих данных не было, так как программа *Qualtrics* требует наличия ответов на все вопросы. Предлагались следующие варианты ответов: 1) совершенно неверно для меня, 2) неверно для меня, 3) почти неверно для меня, 4) почти верно для меня, 5) верно для меня и 6) совершенно верно для меня. Пункты с отрицательными формулировками кодировались противоположным образом до начала анализа.

Для исключения проблем с мультиколлинеарностью до проведения оценки факторной структуры необходимо, чтобы детерминант матрицы корреляции достиг значения выше 0,00001 [60]. С этой целью Field [60] рекомендует отбросить переменные с очень высокими корреляциями (т. е. $r > 0,8$). Для этого мы сначала реализовали модель оценки факторной структуры, включив все первоначальные пункты, а затем удалили пункт, показавший наивысшую среднюю корреляцию с другими пунктами. Затем эту процедуру повторили несколько раз, пока детерминант не достиг приемлемого значения. В целом были последовательно удалены 22 пункта с очень высокими (т. е. $r > 0,80$) корреляциями с другими пунктами. Окончательная модель представляла собой оценку факторной структуры с максимальной вероятностью и облимин-вращением для определения базовых факторов, измеряемых оставшимися пунктами. Затем были удалены еще четыре пункта, показавшие высокую перекрестную нагрузку со вторым фактором. Таким образом, осталось десять пунктов.

Оценка факторной структуры позволила остановиться на однофакторной шкале по эйгенвеличинам, графику Кеттела и факторным нагрузкам. Фактор 1 имел эйгенвеличину 6,38 и был единственным фактором со значением выше единицы. Визуальное изучение графика Кеттела также подтвердило корректность однофакторной модели. Единственный фактор объяснял 63,75 % расхождений и имел факторную нагрузку от 0,622 до 0,865. Внутренняя согласованность по 10 пунктам составила $\alpha = 0,935$. Визуальный контроль гистограммы показал, что средние показатели шкалы имеют нормальное распределение, значения коэффициента асимметрии распределения и коэффициента эксцесса распределения ниже единицы. Были отобраны следующие десять пунктов (указаны первоначальные номера):

1. Я боюсь столкнуться с преступностью.
2. Я чувствую свою уязвимость из-за возможного столкновения с преступностью.
3. Я постоянно думаю о том, что могу столкнуться с преступностью.
6. Возможное столкновение с преступностью вызывает у меня эмоциональный стресс.
14. Возможное столкновение с преступностью беспокоит меня в повседневной жизни.
15. Я не могу расслабиться из-за возможного столкновения с преступностью.
28. Я постоянно думаю о том, как обезопасить себя от преступности.

33. Я параноик в отношении моей безопасности от преступности.
34. Я чувствую дискомфорт при мысли о том, что могу стать жертвой преступления.
36. Преступность вызывает во мне чувство беспокойства.

При использовании однофакторной шкалы отобранные пункты предполагают, что концепт «страх преступности» включает в себя такие чувства, как страх, озабоченность, тревожность, беспокойство, неприятный аффект, паранойя, уязвимость. Хотя понятия «озабоченность» и «тревожность» не фигурируют в формулировках этих пунктов, качественный анализ показывает, что слова «страх», «тревожность» и «озабоченность» являются в этом контексте синонимами. Линейный результат говорит о том, что эти слова передают один и тот же скрытый базовый конструкт «страх преступности». Шкала из 10 пунктов отражает чувства, выраженные респондентами, и представляет собой первый шаг к созданию компактного и точного инструмента для измерения страха преступности.

Оценка факторов по результатам наблюдения

Для проведения оценки факторов по результатам наблюдения в программе *Qualtrics Panels* мы использовали отдельную количественную выборку ($N = 360$). Средний возраст составил 40,7 лет ($SD = 14,3$). Большинство участников (52,4 %) – женщины. По расовой принадлежности большинство участников были белыми (66,5 %), затем чернокожие (16,9 %), латиноамериканцы (6,6 %), смешанного (5,5 %), азиатского происхождения (2,8 %), коренные американцы (1,1 %) и арабы (0,3 %). Распределение по политическим взглядам: 33,8 % – либеральные, 36,8 % – умеренные, 28,9 % – консервативные.

Оценка факторов по результатам наблюдения проводилась по *R*. Была реализована однофакторная модель оценки факторов по результатам наблюдения с использованием 10 пунктов, полученных в результате оценки факторной структуры. Подгонка модели относилась к смешанному типу согласно индексам *Hu* и *Bentler* [61]. Показатели подгонки однофакторной модели оказались слабыми по некоторым индексам ($\chi^2 = 228,94$, $p < 0,001$; $RMSEA = 0,124$), однако другие индексы были допустимыми ($SRMR = 0,053$) или на грани допустимости ($CFI = 0,898$).

Хотя некоторые из индексов подгонки свидетельствуют о слабом уровне подгонки модели по предельным значениям, *Hu* и *Bentler* [61], *McNeish* с соавт. [62] показали, что предельные значения не всегда верно определяют подгонку модели. Они обнаружили, что предельные значения по *Hu* и *Bentler* часто ошибочно указывают на слабый уровень подгонки модели при высоком уровне качества измерений². Соответственно, они рекомендуют сообщать о стандартизированных факторных нагрузках наряду с индексами подгонки, чтобы был виден контекст и можно было корректнее интерпретировать индексы подгонки. Оценка факторов по результатам наблюдения показала высокий уровень стандартизированных факторных нагрузок, от 0,715 до 0,888. С учетом этого, а также допустимого значения $SRMR$ (0,053), значения CFI на грани допустимости (0,898) и высокого уровня коэффициента надежности Кронбаха (0,945) мы сохранили однофакторную шкалу из 10 пунктов, полученную при оценке факторной структуры.

Этап 5. Психометрическая валидация

Шкала была протестирована на конвергентную и дивергентную валидность. Конвергентная валидность зависит от высокой степени корреляции между двумя мерами одного конструкта [64]. Наряду с конвергентной валидностью важна и дивергентная (или дискриминантная) валидность [65]. При проверке новой

² Они обнаружили, что значение среднеквадратичной ошибки приближения 0,06 (что считается допустимым) может указывать на плохую подгонку модели, если факторные нагрузки низкие (около 0,40), а значение среднеквадратичной ошибки приближения 0,20 (что считается недопустимым) может указывать на хорошую подгонку модели, если факторные нагрузки высокие (около 0,90). *Hancock* и *Mueller* [63] установили, что если факторные нагрузки достигают значения выше 0,70, то значения $SRMR$, среднеквадратичной ошибки приближения и CFI опускаются ниже общепринятых предельных значений. *McNeish* с соавт. [62] отмечают, что индексы подгонки зависят от факторных нагрузок так же, как значения p зависят от величины выборки.

шкалы измерения важно убедиться, что она не только положительно и надежно коррелирует с другими измерительными инструментами данного конструкта (конвергентная валидность), но также *не* имеет положительной и сильной корреляции с инструментами измерения других конструктов (дивергентная валидность [65, 66]).

Выборка и участники

Прежде чем оценивать конвергентную и дивергентную валидность, мы объединили количественные выборки ($N = 305$ и $N = 360$) в общую ($N = 665$). Две выборки отличаются лишь временем их формирования: 305 участников были отобраны 19–21 ноября 2019 г., а другие 360 участников – 6–9 декабря 2019 г. В табл. 2 показана описательная статистика для объединенной количественной выборки.

Инструменты валидации шкалы

Кроме вновь созданной шкалы для измерения страха преступности из 10 пунктов, участники проходили тестирование других конструктов, что позволило оценить конвергентную и дивергентную валидность. Конвергентная валидность требует высокой положительной корреляции с существующими инструментами измерения страха преступности, тогда как дивергентная валидность требует низкой, средней или негативной корреляции с другими, но родственными конструктами. Для проверки конвергентной валидности участники проходили тестирование по шкалам страха преступности Ferraro [21] и Cops [44]. Для проверки дивергентной валидности участники проходили тестирование по шкалам негативной эмоциональности [67], веры в справедливое мироустройство [68], страха смерти [69], процессуального правосудия [70] и доверия к полиции [70].

Новая шкала для измерения страха преступности

Наша новая шкала для измерения страха преступности содержит 10 пунктов (см. выше раздел «Оценка факторной структуры») по шкале суммарных оценок из шести пунктов. Предлагались следующие варианты ответов: 1) совершенно неверно для меня, 2) неверно для меня, 3) почти неверно для меня, 4) почти верно для меня, 5) верно для меня, 6) совершенно верно для меня. Для шкалы вычислялся средний балл. Внутренняя согласованность составила $\alpha = 0,945$.

Таблица 2

Демографические данные участников

Table 2. Participant Demographics

Характеристика / Characteristic	Кол-во / n	%
Пол / Gender		
Мужчины / Men	293	44,1
Женщины / Women	370	55,6
Другой / Other	2	0,03
Раса/национальность / Race/ethnicity		
Белый / White	463	69,6
Латиноамериканец / Hispanic/Latino	42	6,3
Афроамериканец / Black/African American	101	15,2
Араб / Middle eastern	1	0,2
Азиат / Asian	21	3,2
Коренной американец / Native American	7	1,1
Другое/смешанной расы / Other/mixed race	29	4,4

Этопио О. Л., Бертелот Э. Р. Определение и измерение уровня страха преступности...
Etopio Au. L., Berthelot E. R. Defining and Measuring Fear of Crime...

Продолжение табл. 2 / Continuation of the Table 2

Характеристика / Characteristic	Кол-во / n	%
Образование / Education		
Неоконченное среднее / Less than high school diploma	19	2,9
Оконченное среднее / High school diploma or GED	178	26,8
Неоконченное высшее / Some college but no degree	198	29,8
Диплом младшего специалиста / Associate's degree	106	15,9
Степень бакалавра / Bachelor's degree	110	16,5
Степень магистра / Master's degree	41	6,2
Докторская/профессиональная степень / Doctorate/professional degree	13	2,0
Доход на семью / Household income		
Менее \$19 999 / Less than \$19,999	117	17,6
\$20,000–39,999	196	29,5
\$40 000–59 999	141	21,2
\$60 000–79 999	83	12,5
\$80 000–99 999	41	6,2
\$100 000–119 999	33	5,0
\$120 000–139 999	15	2,3
\$140 000–159 999	8	1,2
\$160 000–179 999	9	1,4
\$180 000–199 999	2	0,3
\$200 000 и более / \$200 000 or more	7	1,1
Неизвестно / Don't know	13	2,0
Жертва преступления / Victim of crime		
Нет / No	321	48,3
Да / Yes	320	48,1
Не уверен / Unsure	24	3,6
Жилье / Homeownership		
Аренда / Rent	326	49,0
Собственное / Own	326	49,0
Другое / Other	13	2,0
Политические взгляды / Political affiliation		
Крайне либеральные / Very liberal	58	8,7
Либеральные / Liberal	109	16,4
Достаточно либеральные / Somewhat liberal	43	6,5
Умеренные / Moderate	269	40,5
Достаточно консервативные / Somewhat conservative	55	8,3
Консервативные / Conservative	62	9,3
Крайне консервативные / Very conservative	69	10,4
Религиозные взгляды / Religious affiliation		
Агностик / Agnostic	59	8,9
Атеист / Atheist	54	8,1
Буддист / Buddhist	7	1,1

Окончание табл. 2 / End of the Table 2

Характеристика / Characteristic	Кол-во / n	%
Христианин-католик / Christian, Catholic	151	22,7
Христианин-протестант / Christian, Protestant	150	22,6
Христианин, другое / Christian, other	166	25,0
Иудей / Jewish	11	1,7
Мусульманин / Muslim	8	1,2
Другое / Other	58	8,7
Характер места проживания / Neighborhood urbanicity		
Крайне сельский / Very rural	29	4,4
Сельский / Rural	138	20,8
Пригородный / Suburban	274	41,2
Городской / Urban	164	24,7
Крайне городской / Very urban	60	9,0

Примечание. N = 665. Средний возраст – 41,5 лет (SD = 14,8).

Note. N = 665. Mean age was 41,5 (SD = 14,8).

Предыдущие замеры уровня страха преступности

Для оценки конвергентной валидности мы использовали шкалу страха преступности Ferraro [21] из 10 пунктов (см. раздел «Предыдущие исследования»). Мы создали три вида отдельных суммарных баллов для полной шкалы (девять пунктов), страха имущественных преступлений (четыре пункта) и страха насильственных преступлений (четыре пункта). Из последних двух шкал был исключен вопрос о попрошайках, что согласуется с оригинальным подходом Ferraro. Кроме того, мы исключили пункт о краже автомобиля, потому что участники могли не иметь машины.

Кроме того, мы использовали шкалу страха преступности Cops [44] из восьми пунктов с некоторыми изменениями. Некоторые формулировки были признаны некорректными (см. раздел «Предыдущие исследования») и изменены, чтобы минимизировать искажения на основе допущений. Шкала Cops [44] не использовалась в чистом виде, однако исправление формулировок позволило создать более корректную шкалу и лучше оценить конвергентную валидность.

Негативная эмоциональность

Негативная эмоциональность – это личностная характеристика, состоящая в склонности часто и интенсивно испытывать неприятный аффект [67]. Участники оценивали 12 пунктов по шкале от 1 (совершенно неверно для меня) до 6 (совершенно верно для меня). Были вычислены средние значения по всем пунктам и получен единый балл для этой шкалы.

Вера в справедливое мироустройство

Вера в справедливое мироустройство (*belief in a just world, BJW*) – это психологический конструкт, состоящий в убежденности, что люди получают то, что заслуживают, и заслуживают то, что получают. Участники оценивали восемь пунктов по шкале от 1 (совершенно неверно для меня) до 6 (совершенно верно для меня). Результаты по каждому пункту были суммированы, и получен единый балл для этой шкалы.

Страх смерти

Lester [69] разработал шкалу страха смерти, состоящую из четырех основных компонентов: собственное умирание, собственная смерть, умирание других, смерть других. Мы включили лишь первые два пункта. Мы

исключили два пункта: об отношении к болезням и старческом угасании, поскольку они не имеют прямого отношения к страху преступности. Участники оценивали 13 пунктов по шкале от 1 (совершенно неверно для меня) до 6 (совершенно верно для меня). Результаты по каждой шкале были суммированы отдельно, и получены баллы, соответствующие каждому конструкту.

Общее процессуальное правосудие и доверие к полиции

Анкета Gau [70] измеряет отношение к общему процессуальному правосудию и правомерности действий полиции. Отношение к общему процессуальному правосудию – это общее восприятие гражданами справедливости и уважения в действиях офицеров полиции [70]. Отношение к правомерности действий полиции – это восприятие полиции как законной власти [71]. Участники заполняли анкету из пяти пунктов по первому аспекту и четырех пунктов по второму аспекту с оценками от 1 (совершенно не согласен) до 6 (совершенно согласен). Затем были вычислены средние значения по каждому аспекту и получены баллы, соответствующие каждому конструкту.

Результаты психометрической валидации

Насколько нам известно, наша шкала страха преступности стала первой, которую проверили на конвергентную и дивергентную валидность. В табл. 3 показаны значения коэффициента надежности Кронбаха для каждой шкалы и корреляции с нашей шкалой. Корреляции нашей шкалы с ранее разработанными шкалами страха преступности составили от 0,640 до 0,718, что означает конвергентную валидность. Корреляции нашей шкалы с мерами других конструктов составили от -0,016 (общее процессуальное правосудие) до 0,444 (негативная эмоциональность), что означает дивергентную валидность. Корреляция 0,444 между нашей шкалой и шкалой негативной эмоциональности показывает, что, хотя страх преступности связан с общей склонностью индивида испытывать негативные эмоции, наша шкала не измеряет негативную эмоциональность. Эти результаты подтверждают как конвергентную, так и дивергентную валидность.

Таблица 3

Меры конвергентной и дивергентной валидности, значения коэффициента надежности Кронбаха и корреляции с новой шкалой страха преступности

Table 3. Convergent and Divergent Validity Measures, Cronbach's Alphas, and Correlations with the Newly Created Fear of Crime Scale

Мера / Measure	α	r	p
Новая шкала страха преступности / New fear of crime scale	0,945		
Конвергентная валидность / Convergent validity			
Страх перед преступлением [21] / Fear of crime [21]	0,952	0,669	< 0,01
Страх перед насильственным преступлением [21] / Fear of violent crime [21]	0,950	0,640	< 0,01
Страх перед имущественным преступлением [21] / Fear of property crime [21]	0,897	0,678	< 0,01
Страх перед преступлением [44] / Fear of crime [44]	0,840	0,718	< 0,01
Дивергентная валидность / Divergent validity			
Негативная эмоциональность [67] / Negative emotionality [67]	0,896	0,444	< 0,01
Вера в справедливое мироустройство [68] / Belief in a just world [68]	0,904	-0,054	<i>ns</i>
Страх смерти [69] / Fear of death [69]	0,765	0,241	< 0,01
Страх умирания [69] / Fear of dying [69]	0,568	0,354	< 0,01
Правомерность действий полиции [70] / Police legitimacy [70]	0,922	0,018	<i>ns</i>
Общее процессуальное правосудие [70] / Global procedural justice [70]	0,946	-0,016	<i>ns</i>

Общее обсуждение. Уточненное определение страха преступности

На протяжении долгой истории изучения страха преступности различными учеными предлагались противоречивые определения этого феномена. Furstenburg [16] считал, что страх преступности следует отличать от озабоченности, и концептуализировал его как воспринимаемый риск виктимизации. Ferraro и LaGrange [13] соглашались, что страх преступности отличается от озабоченности, но Ferraro [21] также разграничивал страх преступности от воспринимаемого риска, в отличие от Furstenburg'a. Garofalo [17] определял страх преступности как чувство тревоги, но Warr [15] считал чувства тревоги и страха различными. Warr [15] также подчеркивал, что работам, посвященным страху преступности, недостает четкости определений и измерительных средств.

Отвечая на призыв Warr'a [15] к терминологической ясности и созданию средств измерений, наша работа ставит своей целью разрешить указанные противоречия путем создания новой шкалы для измерения страха преступности на основе теории и строгой методологии. Наше исследование проясняет данный вопрос, так как мы систематически изучали смысл страха преступности. Однако мы также обнаружили, что страх преступности – это размытое понятие, не имеющее четких границ, которое требует дальнейшего изучения.

Полученные результаты показывают, что страх преступности – это сложный психический конструкт. Он включает в себя различные эмоции, такие как беспокойство, тревожность, нервозность, паранойя, паника, а также озабоченность и неприятный аффект. Это означает, что попытки провести границы между страхом, беспокойством, озабоченностью и тревожностью могут быть ненужными и, возможно, невыполнимыми, по крайней мере, в контексте страха преступности. Иначе говоря, каждое из этих чувств является частью эмоционального качества страха преступности.

Мы утверждаем, что наши качественные результаты противоречат выводам Ferraro и LaGrange [13] о различиях между страхом преступности и озабоченностью. Мы также не согласны с положением Warr'a [15] о том, что страх преступности следует отличать от тревожности. Наконец, в работе Williams и McShane [27] предлагалось считать страх преступности «беспокойством по поводу виктимизации». Наше исследование показало, что в контексте преступности страх нельзя отличить от озабоченности, тревожности и беспокойства. Наши результаты говорят о том, что люди употребляют термины «страх», «озабоченность», «тревожность» и «беспокойство» как взаимозаменяемые, т. е. в контексте преступности эти понятия концептуально неразличимы. Фактически наши качественные результаты показывают, что озабоченность, тревожность и беспокойство, а также нервозность, паранойя и паника являются составляющими страха преступности. Интервьюируемые использовали и другие слова для описания своего страха, например, «уязвимость» и «напряженность». Таким образом, мы предлагаем новое определение страха преступности: это склонность испытывать аффективный или эмоциональный отклик на преступление (или возможное преступление), который может включать страх, озабоченность, тревожность и беспокойство, нервозность, паранойю, панику, уязвимость и напряженность.

Ограничения исследования

Самое значительное ограничение данного исследования – это случайная выборка участников качественных интервью. Измерительная шкала была создана на основе данных, полученных в ходе качественных интервью с лицами, проживающими в небольших городах запада Соединенных Штатов (кроме одного участника, который переехал незадолго перед этим). Эта выборка не является репрезентативной для США, так как участники были преимущественно белыми. Кроме того, четверть выборки составляли сотрудники правоохранительных органов. Однако они продемонстрировали те же тенденции, что и остальные участники, а именно использование слов «страх», «озабоченность» и «тревожность» как взаимозаменяемых.

Вероятно, качественные результаты могут оказаться иными в случае более расово разнородной выборки из более криминогенного района, что может привести к формированию иной совокупности вопросов анкеты и иной итоговой шкалы. Субъективное переживание страха преступности может отличаться у представителей национальных меньшинств, соответственно, они могут по-другому выражать свои чувства в ходе интервью.

Кроме того, вероятно, что созданная шкала будет обладать эффектом «потолка» для жителей высококриминогенных районов, так как их жители покажут высокие баллы из-за низкой чувствительности на верхнем конце шкалы. Другими словами, возможно, что все жители высококриминогенных районов покажут высокие баллы по данной шкале, и эти баллы не будут отражать реальные различия внутри этих районов [72].

Как и в случае других работ по данной теме, лица, испытывающие наибольший страх преступности, имеют наименьшую вероятность участия в исследовании. Иначе говоря, те, кто наиболее подозрительно относятся к возможному вреду со стороны незнакомых людей, наименее вероятно будут встречаться с незнакомцем в неизвестном месте и разговаривать о преступности. Например, когда мы объявили о будущем исследовании на сайте nextdoor.com, один из комментариев был: «Только мне кажется, что это мошенничество?» Первый соавтор написал этому комментатору напрямую, чтобы подробнее рассказать об исследовании и пригласить поучаствовать, но не получил ответа. Таким образом, лица, наиболее подверженные страху преступности, возможно, не вышли на контакт и оказались не представлены в данном исследовании.

Неизбежное ограничение данного исследования состоит в изначальной сложности измерения эмоций. Как отмечал Barrett [48], «эмпирически понятно, что очень сложно, если вообще возможно, найти объективный способ измерить переживание эмоций» (с. 22). Определение и измерение эмоций представляет большую сложность. Наша шкала для измерения страха преступности была создана на основе строгой методологии, что повышает валидность конструкта, однако ей присуще внутреннее несовершенство из-за сложности измерения эмоциональных переживаний.

Еще одно ограничение состоит в том, что модель оценки факторов по результатам наблюдения показала слабую степень подгонки модели согласно предельным значениям H_u и Bentler'a [61] для хи-квадрата и среднеквадратичной ошибки приближения. Однако более новые исследования [63, 62] свидетельствуют о том, что эти общепринятые предельные значения не являются валидными показателями подгонки модели. Как было показано выше (см. раздел *Оценка факторов по результатам наблюдения*), McNeish и соавт. [62] обнаружили, что в случае более высокого качества измерительного инструмента эти предельные значения указывают на более слабую подгонку модели. Если считать, что предельные значения по H_u и Bentler'у не являются надежными мерами подгонки модели, то у исследователей не остается стандартных критериев оценки факторного анализа. Однако в нашем случае, имея высокие стандартизированные факторные нагрузки (от 0,715 до 0,888), высокие показатели внутренней согласованности ($\alpha = 0,945$), конвергентной и дивергентной валидности, а также надежную теоретическую базу, мы решили сохранить фактор десяти пунктов шкалы, полученных в ходе оценки факторной структуры.

Направления будущих исследований

Насколько нам известно, вновь созданная шкала является во многих отношениях уникальной. Во-первых, это первая шкала для измерения страха преступности, созданная на систематической основе, путем изучения качественных описаний людьми своих эмоциональных переживаний. Во-вторых, впервые было проведено предварительное тестирование пунктов шкалы с помощью когнитивных интервью и экспертных оценок. В-третьих, это первая шкала такого рода, опирающаяся на теорию конструируемых эмоций. Наконец, это первая такая шкала, проверенная на конвергентную и дивергентную валидность.

Данное исследование является первым, но отнюдь не завершающим шагом в создании высококачественного инструмента для измерения страха преступности. В будущих исследованиях необходимо воспроизвести и расширить данный проект, особенно с целью преодоления его ограничений. Следует использовать более разнородную качественную выборку, репрезентативную для Соединенных Штатов.

Поскольку наша шкала для измерения страха преступности прошла валидацию, полезным следующим шагом могло бы стать непосредственное сравнение ее с более ранними шкалами такого рода. Корреляция между нашей шкалой и двумя предыдущими шкалами является высокой, что указывает на конвергентную валидность, однако другие статистические сравнения не входили в задачу настоящей работы. Поскольку в ряде исследований была обнаружена высокая вариабельность результатов в зависимости от использован-

ных средств измерения [12, 13], в будущем необходимо провести сравнение моделей с помощью различных измерительных инструментов.

В будущих исследованиях было бы также целесообразно с помощью новой шкалы изучить предикторы страха преступности. Из всех переменных в нашей работе наиболее высокой корреляцией со страхом преступности обладала негативная эмоциональность. Было бы полезно изучить связи между личностными характеристиками и страхом преступности.

Заключение

Главной целью нашего исследования было переосмысление концепции страха преступности на основе теории эмоций. Насколько нам известно, ни одна из прежних попыток ученых сформулировать определение страха преступности или создать шкалу для его измерения не опиралась на какие-либо теории эмоций. Вторая значимая цель состояла в создании инструмента для измерения страха преступности, используя данные качественных интервью, что также является инновационным подходом. Таким образом, настоящая работа вносит существенный теоретический и методологический вклад в изучение страха преступности.

На теоретическом уровне в данной работе изучение страха преступности впервые опирается на теорию конструируемых эмоций. В соответствии с ней в исследовании использовался широкий спектр описаний страха преступности, предоставленных респондентами. Многие интервьюируемые не делали различий между понятиями «страх», «беспокойство», «озабоченность» и другими обозначениями эмоций, что иллюстрирует концепцию дробности эмоций. Использование слов «страх» и «озабоченность» как взаимозаменяемых свидетельствует о том, что и переживание этих эмоций неразлично в данном контексте. Согласно теории конструируемых эмоций, эмоции субъективны и зависят от актуального контекста, от прошлых переживаний человека, а также от его понимания и использования слов, обозначающих эмоции. По данным качественных интервью, страх преступности включает в себя множество чувств, таких как озабоченность, неприятный аффект, беспокойство, тревожность, паранойя, паника. На основе этих результатов будущие исследования могут углубить теоретические положения в области страха преступности.

С точки зрения методологии, наше исследование вводит новую шкалу самооценки для измерения страха преступности. В работе впервые применена теория конструируемых эмоций и использованы качественные данные для создания шкалы страха преступности. Новая однофакторная шкала, состоящая из 10 пунктов, охватывает широкий спектр чувств и эмоций, с помощью которых испытуемые описывали свой страх преступности, включая такие понятия, как «озабоченность», «беспокойство», «тревожность», «паранойя». Кроме того, наша шкала стала первой, прошедшей строгий факторный анализ и процедуру валидации. На примере нашей выборки шкала продемонстрировала высокие факторные нагрузки, внутреннюю согласованность, конвергентную валидность и дивергентную валидность. В шкале использовались пункты, укрепившие содержательную валидность и соответствующие современным требованиям к методологии исследований [58].

Страх перед преступностью оказывает глубокое влияние на индивидуальном, местном и государственном уровнях. На индивидуальном уровне низкий уровень чувства безопасности и высокий страх преступности связаны с тревогой, депрессией [8], низким качеством сна [73, 10] и состоянием физического здоровья [74, 9]. На местном уровне этот феномен снижает вероятность государственного и частного инвестирования в бедные районы, что поддерживает порочный круг бедности [75, 76]. На государственном уровне страх преступности может побудить принимать меры к его снижению, тем самым отнимая средства от других национальных программ. Наша новая шкала позволит исследователям более точно оценить далеко идущие последствия страха преступности. Данная работа является первым шагом на пути к новому пониманию влияния преступности и страха преступности на окружающую действительность.

Список литературы / References

1. Donohue, J. J. (2017). Comey, Trump, and the puzzling pattern of crime in 2015 and beyond. *Columbia Law Review*, 117 (5), 1297–1354.
2. Fox, J. A., Zawitz, M. W. (2010). *Homicide trends in the United States*. Bureau of Justice Statistics. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/htius.pdf>
3. Federal Bureau of Investigation. (2016). *Table 1: Crime in the United States by volume and rate per 100,000 inhabitants, 1997–2016*. <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2016/crime-in-the-u.s.-2016/tables/table-1>
4. Maguire, K., Pastore, A. (1995). *Sourcebook of criminal justice statistics*. US Bureau of Justice Statistics.
5. McCarthy, J. (2015, October 22). *More Americans say crime is rising in US*. Gallup. <http://news.gallup.com/poll/186308/americans-say-crime-rising.aspx>
6. Roberts, J. V., Stalans, L. J. (2000). *Public opinion, crime, and criminal justice*. Westview.
7. Davis, A. (2016, April 6). In U.S., concern about crime climbs to 15-year high. Gallup. <http://news.gallup.com/poll/190475/americans-concern-crime-climbs-year-high.aspx>
8. Stafford, M., Chandola, T., Martmot, M. (2007). Association between fear of crime and mental health and physical functioning. *American Journal of Public Health*, 97 (11), 2076–2081.
9. Rader, N. E., Rogers, S. A., Cossman, J. S. (2020). Physical health, mental health, and fear of crime among college students: A consideration of sex differences. *Violence Against Women*, 26 (1), 323. <http://dx.doi.org/10.1177/1077801219826749>
10. Hill, T. D., Trinh, H. N., Wen, M., Hale, L. (2016). Perceived neighborhood safety and sleep quality: A global analysis of six countries. *Sleep Medicine*, 18, 56–60.
11. Ross, C. E., Mirowsky, J. (2001). Neighborhood disadvantage, disorder, and health. *Journal of Health and Social Behavior*, 42 (3), 258–276.
12. Collins, R. E. (2016). Addressing the inconsistencies in fear of crime research: A meta-analytic review. *Journal of Criminal Justice*, 47, 21–31. <http://dx.doi.org/10.1016/Zj.jcrimjus.2016.06.004>
13. Ferraro, K. F., LaGrange, R. L. (1987). The measurement of fear of crime. *Sociological Inquiry*, 57, 70–101. <https://doi.org/10.1111/J.1475-682X.1987.tb01181.x>
14. Henson, B., Reynolds, B. W. (2015). The only thing we have to fear is fear itself and crime: The current state of the fear of crime literature and where it should go next. *Sociology Compass*, 9 (2), 91–103. <http://dx.doi.org/10.1111/soc4.12240>
15. Warr, M. (2000). Fear of crime in the United States: Avenues for research and policy. *Criminal Justice*, 4 (4), 451–489.
16. Furstenberg, F. F. (1971). Public reaction to crime in the streets. *The American Scholar*, 4 (4), 601–610.
17. Garofalo, J. (1981). Fear of crime: Causes and consequences. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 72 (2), 839–857.
18. Clark, J. (2003). Fear in fear-of-crime. *Psychiatry, Psychology and Law*, 10 (2), 267–282, <http://dx.doi.org/10.1375/pplt.2003.10.2.267>
19. Warr, M. (1984). Fear of victimization: Why are women and the elderly more afraid? *Social Science Quarterly*, 65, 681–702.
20. DuBow, F., McCabe, E., Kaplan, G. (1979). *Reactions to crime: A critical review of the literature*. National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice, U.S. Department of Justice. <https://www.ojp.gov/pdffiles1/Digitization/61955NCJRS.pdf>
21. Ferraro, K. F. (1995). *Fear of crime: Interpreting victimization risk*. State University of New York.
22. Rader, N. (2017). Fear of crime. *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.10>
23. Rountree, P. W., Land, K. C. (1996). Perceived risk versus fear of crime: Empirical evidence of conceptually distinct reactions in survey data. *Social Forces*, 74 (4), 1353–1376.
24. Sluckin, W. (1979). *Fear in animals and man*. Van Nostrand Reinhold.
25. Barrett, L. F. (2017). *How emotions are made: The secret life of the brain*. Mariner.
26. Siegel, E. H., Sands, M. K., Van den Noortgate, W., Condon, P., Chang, Y., Dy, J., Quigley, K. S., Barrett, L. F. (2018). Emotion fingerprints or emotion populations? A meta-analytic investigation of autonomic features of emotion categories. *Psychological Bulletin*, 144 (4), 343–393. <http://dx.doi.org/10.1037/bul0000128>
27. Williams, F. P., McShane, M. D., Akers, R. L. (2000). Worry about victimization: An alternative and reliable measure for fear of crime. *Western Criminology Review*, 2 (2). <http://www.westerncriminology.org/documents/WCR/v02n2/williams/williams.html>
28. Gabriel, U., Grieve, W. (2003). The psychology of fear of crime: Conceptual and methodological perspectives. *British Journal of Criminology*, 43, 600–614.
29. Rader, N. E. (2004). The threat of victimization: A theoretical reconceptualization of fear of crime. *Sociological Spectrum*, 24, 689–704. <http://dx.doi.org/10.1080/02732170490467936>
30. Jackson, J. (2005). Validating new measures of the fear of crime. *International Journal of Social Research Methodology*, 5 (4), 297–315. <http://dx.doi.org/10.1080/13645570500299165>

31. National opinion Research Center. (2018). *Trends: Afraid to walk at night in neighborhood*. <https://gssdataexplorer.norc.umd.edu/trends/Civil%20Liberties?measure=fear>
32. Hale, C. (1996). Fear of crime: A review of the literature. *International Review of Victimology*, 4, 79–150.
33. Hinkle, J. C. (2015). Emotional fear of crime vs. perceived safety and risk: implications for measuring fear and testing the broken windows thesis. *American Journal of Criminal Justice*, 40 (1), 147–168. <http://doi.org/10.1007/s12103-014-9243-9>
34. McGarrell, E. F., Giacomazzi, A. L., Thurman, Q. C. (1997). Neighborhood disorder, integration, and the fear of crime. *Justice Quarterly*, 14 (3), 479–500.
35. Haynes, S. N., Richard, D. C. S., Kubany, E. S. (1995). Content validity in psychological assessment: A functional approach to content and methods. *Psychological Assessment*, 7 (3), 238–247.
36. Swatt, M. L., Varano, S. P., Uchida, C. D., Solomon, S. E. (2013). Fear of crime, incivilities, and collective efficacy in four Miami neighborhoods. *Journal of Criminal Justice*, 41 (1), 1–11. <http://dx.doi.org/10.1016Zj.jcrimjus.2012.09.004>
37. Gau, J. M., Corsaro, N., Brunson, R. K. (2014). Revisiting broken windows theory: A test of the mediation impact of social mechanisms on the disorder-fear relationship. *Journal of Criminal Justice*, 42 (6), 579–588. <http://doi.org/10.1016/J.JcrimJus.2014.10.002>
38. Gray, E., Jackson, J., Farrall, S. (2008). Reassessing the fear of crime. *European Journal of Criminology*, 5 (3), 363–380. <http://dx.doi.org/10.1177/1477370808090834>
39. Gray, E., Jackson, J., Farrall, S. (2011). Feelings and functions in the fear of crime: Applying a new approach to victimization insecurity. *The British Journal of Criminology*, 51, 75–94. <http://dx.doi.org/10.1093/bj/c/azq066>
40. Farrall, S., Gadd, D. (2004). The frequency of the fear of crime. *British Journal of Criminology*, 44, 127–132. https://www.researchgate.net/publication/731136463_Research_Note_The_Frequency_of_the_Fear_of_Crime
41. Lee, G. R. (1982). Sex differences in fear of crime among older people. *Research on Aging*, 4 (3), 284–298. <http://dx.doi.org/10.1177/0164027582004003001>
42. Phelan, J. E., Sanchez, D. T., Broccoli, T. L. (2010). The danger in sexism: The links among fear of crime, benevolent sexism, and well-being. *Sex Roles*, 62, 35–47. <http://dx.doi.org/10.1007/s11199-009-9711-8>
43. Senn, C. Y., Dzinan, K. (1996). Measuring fear of rape: A new scale. *Canadian Journal of Behavioral Science*, 28, 141–144.
44. Cops, D. (2013). The role of autonomous mobility in public space on fear of crime among adolescents. *Journal of Youth Studies*, 16 (8), 1105–1122. <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2013.793790>
45. Hurd, M. D. (1999). Anchoring and acquiescence bias in measuring assets in household surveys. *Journal of Risk and Uncertainty*, 19 (1–3), 111–136.
46. Ekman, P. (1999). Basic emotion. In T. Dalgleish & M. Power (Eds.), *Handbook of cognition and emotion*, 45–61. John Wiley & Sons.
47. Ekman, P., Cordaro, D. (2011). What is meant by calling emotions basic. *Emotion Review*, 3 (4), 364–370. <http://dx.doi.org/10.1177/1754073911410740>
48. Barrett, L. F. (2006). Solving the emotion paradox: Categorization and the experience of emotion. *Personality and Social Psychology Review*, 10 (1), 20–46. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1001_2
49. Barrett, L. F., Bliss-Moreau, E. (2009). Affect as a psychological primitive. *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 167–218. [http://dx.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)00404-8](http://dx.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)00404-8)
50. Stryker, S., Vryan, K. D. (2003). The symbolic interactionist frame. In J. Delamater (Ed.), *Handbook of social psychology*, 3–28. Kluwer Academic.
51. *Federal Bureau of Investigation*. (2019). Table 8: Nevada: Offenses known to law enforcement by city. <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2019/crime-in-the-u.s.-2019/tables/table-8/table-8-state-cuts/nevada.xls>
52. Russell, J. A. (1980). A circumplex model of affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39 (6), 1161–1178.
53. Phillips, T., Smith, P. (2004). Emotional and behavioural responses to everyday incivility: Challenging the fear/avoidance paradigm. *Journal of Sociology*, 40 (4), 378–399. <http://dx.doi.org/10.1177/1440783304048382>
54. Farrall, S. (2004). Revising crime surveys: Emotional responses without emotions? Or look back at anger. *International Journal of Social Research Methodology*, 7 (2), 157–171. <http://dx.doi.org/10.1080/1304557021000024767>
55. George, J., Mackinnon, A., Kong, D. C. M., Stewart, K. (2006). Development and validation of the Beliefs and Behaviour Questionnaire (BBQ). *Patient Education and Counseling*, 64, 50–60. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pec.2005.11.010>
56. Creswell, J. W. (2009). *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches* (3rd ed.). Sage.
57. Dawis, R. V. (1987). Scale construction. *Journal of Counseling Psychology*, 34 (4), 481–489. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.34.4.481>
58. Dillman, D. A., Smyth, J. D., Christian, L. M. (2014). *Internet, phone, mail, and mixed-mode surveys: The tailored design method*. Wiley.

59. Groves, R. M., Fowler, F. J., Couper, M. P., Lepkowski, J. M., Singer, E., Tourangeau, R. (2009). *Survey methodology* (2nd ed.). John Wiley & Sons.
60. Field, A. (2018). *Discovering statistics using IBM SPSS Statistics* (5th ed.). Sage.
61. Hu, L., Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6, 1–55.
62. McNeish, D., An, J., Hancock, G. R. (2017). The thorny relation between measurement quality and fit index cutoffs in latent variable models. *Journal of Personality Assessment*, 100 (1), 43–52. <https://doi.org/10.1080/00223891.2017.1281286>
63. Hancock, G. R., Mueller, R. O. (2011). The reliability paradox in assessing structural relations within covariance structure models. *Educational and Psychological Measurement*, 71 (2), 306–324. <http://dx.doi.org/10.1177/0013164410384856>
64. Hinkin, T. R., Tracey, J. B., Enz, C. A. (1997). Scale construction: Developing reliable and valid measurement instruments. *Journal of Hospitality & Tourism Research*, 21 (1), 100–120. <http://dx.doi.org/10.1177/109634809702100108>
65. Campbell, D. T., Fiske, D. W. (1959). Convergent and discriminant validation by the multitrait- multimethod matrix. *Psychological Bulletin*, 56 (2), 81–105. <https://doi.org/10.1037/h0046016>
66. Clark, L. A., Watson, D. (1995). Constructing validity: Basic issues in objective scale development. *Psychological Assessment*, 7 (3), 309–319.
67. Soto, C. J., John, O. P. (2017). The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power. *Journal of Personality and Social Psychology*, 113 (1), 117–143. <http://dx.doi.org/10.1037/pspp0000096>
68. Lipkus, I. M., Dalbert, C., Siegler, I. C. (1996). The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22 (7), 666–677.
69. Lester, D. (1990). The Collett-Lester fear of death scale: The original version and a revision. *Death Studies*, 14 (5), 451–468. <http://dx.doi.org/10.1080/07481189008252385>
70. Gau, J. M. (2014). Procedural Justice and police legitimacy: A test of measurement and structure. *American Journal of Criminal Justice*, 39, 187–205. <http://dx.doi.org/10.1007/s12103-013-9220-8>
71. Sunshine, J., Tyler, T. R. (2003). The role of procedural justice and legitimacy in shaping public support for policing. *Law & Society Review*, 37 (3), 513–548.
72. Passmore, C., Dobbie, A. E., Parchman, M., Tysinger, J. (2002). Guidelines for constructing a survey. *Family Medicine*, 34 (4), 281–286.
73. Etopio, A. L., Devereux, P., Crowder, M. (2019). Perceived campus safety as a mediator of the link between gender and mental health in a national US college sample. *Women & Health*, 59 (7), 703–717. <http://dx.doi.org/10.1080/03630242.2018.1549646>
74. Cossman, J. S., Porter, J. R., Rader, N. E. (2016). Examining the effects of health in explaining fear of crime: A multi-dimensional and multi-level analysis. *American Journal of Criminal Justice*, 41, 565–582. <http://dx.doi.org/10.1007/s12103-015-9310-x>
75. Sampson, R. J. (2012). *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*. Chicago, IL, University of Chicago.
76. Skogan, W. (1986). Fear of crime and neighborhood change. *Crime and Justice*, 8, 203–229.
77. Etopio Au. L., Berthelot E. R. (2022). Defining and Measuring Fear of Crime: A New Validated Scale Created from Emotion Theory, Qualitative Interviews, and Factor Analyses. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 23 (1), 46–67.

Об авторах

Обри Этопио, доктор философии, преподаватель психологии в Мэрилендском университете, округ Балтимор. Она получила степень доктора философии в области междисциплинарных исследований по социальной психологии в Невадском университете в Рино в 2020 г. Область научных интересов включает проблемы страха преступности, восприятия безопасности, здоровья в условиях высшего учебного заведения, гендерных ролей. Научные работы и преподавательская деятельность носят междисциплинарный характер, охватывая психологию, криминологию, социологию, общественное здравоохранение. Сфера особых интересов – приложение различных теорий эмоций в криминологии.

Эмили Бертлот, доктор философии, является доцентом в области уголовного правосудия в Невадском университете в Рино. Она получила степень доктора социологии со специализацией в криминологии в Университете штата Луизиана в 2010 г. Ее исследования посвящены в первую очередь проблемам распространенности риска виктимизации и характера совершения преступлений; предметом особого интереса являются вопросы социального и экономического равенства с точки зрения теоретических подходов нескольких дисциплин, включая криминологию, социологию, урбанистику и общественное

здравоохранение. Она изучала природу и практические аспекты неравенства и социальноэкономического неблагополучия по нескольким обширным тематикам, включая следующие: культура насилия и культурный перенос; расовые и этнические различия в совершении преступлений, виктимизации и поведенческих моделях; предикторы совершения преступлений и виктимизации на уровне места жительства и местной общины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Инструкция по проведению интервью

Вопросы под номерами – это основные вопросы интервью. Указанные под ними пункты с точками можно использовать как уточняющие вопросы.

1. Я хочу узнать о ваших переживаниях, чувствах и мыслях по поводу преступности. На все вопросы прошу вас отвечать как можно подробнее. Прежде всего, расскажите немного о себе. Опишите, пожалуйста, ваш типичный день.
2. Нравится ли вам жить в [этом городе]? Как долго вы здесь живете?
 - Дополнительно: В этом районе? В районе/городе, где вы жили раньше?
3. Если не возражаете, поговорим немного о другом. Что вы думаете о преступности в целом?
 - Дополнительно: В [этом городе]? В этом районе? В стране?
4. Расскажите, что вы думаете, когда узнаете о людях, ставших жертвой преступления.
 - Дополнительно: Что вы думаете по этому поводу?
 - Дополнительно: Что вы чувствуете?
5. Насколько безопасно вы себя чувствуете, если находитесь на улице в своем районе в одиночестве ночью? Днем?
6. Насколько вы уязвимы перед возможным преступлением? Насколько вероятно, что вы стали бы жертвой преступления в ближайшем будущем?
7. Что вы чувствуете по поводу вероятности преступления?
 - Дополнительно: Какие эмоции возникают при этом?
 - Дополнительно: Как часто вы думаете об этом?
8. Испытываете ли вы страх перед преступностью? Как часто?
9. Какие чувства вы испытываете в связи с боязнью преступности?
10. В каких ситуациях вы наиболее сильно чувствуете страх перед преступностью?
 - Дополнительно: О чем вы думаете в такие моменты?
11. Каких преступлений вы больше всего боитесь (какими вы больше всего озабочены)?
 - Дополнительно: Насильственные преступления, такие как нападение?
 - Дополнительно: Имущественные преступления, такие как кража или взлом?
12. Почему вы испытываете именно такие чувства по поводу преступности? Чем вызваны чувства, которые вы испытываете?
13. Были ли вы когда-либо жертвой преступления? (Вы можете не отвечать, если не хотите.)
 - Дополнительно: Расскажите, что произошло.
 - Дополнительно: Вы обратились в полицию?
14. Как вы думаете, что бы произошло, если бы вы стали жертвой преступления?
 - Дополнительно: Насколько серьезно это было бы для вас? Вы могли бы подробнее описать это?
15. Вы хотите рассказать о чем-то еще? Возможно, что-то, что вы забыли сказать или не было такого вопроса.

Дата поступления / Received 05.03.2022
Дата принятия в печать / Accepted 29.04.2022